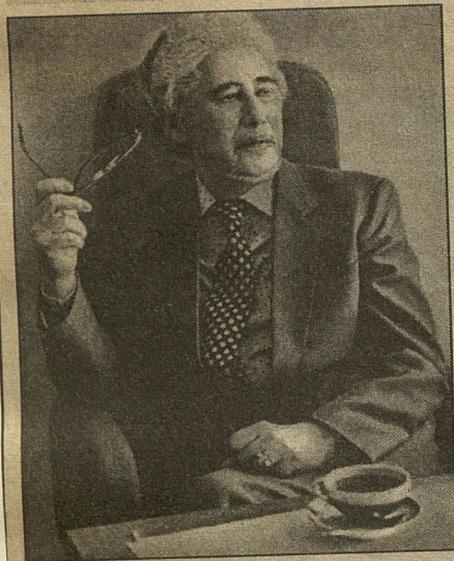

Лит. газ. - 1996 - 2 окт.

Изящество с. 8 точности

К юбилею Бориса Львова-Анохина

У него своя песня, свой лад и тон, ни с кем не спутаешь, не смешаешь — Вивальди в громе и лязге столетия. Мелодия точна и прозрачна, картина являет странный гибрид графики и акварели. Он сдержан, покоен и вместе с тем лиричен, даже ставя сатиру. Его мизансцены всегда выверены и одновременно свободны. Изящество — вот слово, которое к нему приложимо вернее других. Изящный — пожалуй, самый любимый эпитет Чехова, и не случайно. Изящен тот, кто не подавляет, кто сохраняет душевную грацию, кто, будучи отягчен печалью, не обрушивает ее на ближних, а «поднимает глаза к потолку, часто задумывается и повсхвывает».

Возможно, кого-то может смутить, что его творческая манера не претер-

пела крутых изменений, что он похож на себя самого. Напрасно. Мне доводилось писать, что явление потому и явление, что имеет четко очерченный круг. Чем оно больше, тем круг вместительней, и в нем естественно уживаются разные версии и вариации, разные грани, разные краски. Но, сколько бы их ни было, как бы они ни взаимодействовали меж собою, они неизменно сохраняют ту сердцевину, ту сокровенность, тот тайный генетический код, которые определяют явление. За пределами круга иная среда, она — чужая, и этим все сказано. Соприкоснувшись с такой средой, тем более в нее погружаясь, сущность явления размывается, и то, что нас грело своей самобытностью, трансформируется в общее место. Всеядность всегда ведет к банальности.

Однако ж при всей его безусловной приверженности к мере и точности было бы большим заблуждением видеть в нем прежде всего гранильщика, чеканщика, мастера рисунка, не озабоченного исследованием. Не все так просто — любовь его к форме есть следствие уважения к мысли. Он знает, что правда, топорно выраженная, теряет не только свою заразительность (в том числе эстетическую), но саму свою суть и оборачивается ложью. Это знание для него первично.

Он никогда не рассматривал пьесу только как предлог для спектакля и никогда не хотел утвердиться за счет своих авторов — был им предан. Одних открыл, других спас от забвения. Первым привел на московскую сцену еще неведомого Володина, потом — уже забытого Гнедича. Сделал своими, родственно близкими Генрика Ибсена и Ануя.

Мы жили с ним в грозную эпоху, но был в ней и свой боевой азарт. Тогда театральная премьера была сражением с неясным исходом. Слово, летевшее со сцены, немало весило и много значило — вдруг становилось глотком кислорода, глотком недостижимой свободы.

На протяжении десятилетий сурового советского века он был среди самых благородных и самых нравственных режиссеров. Его совесть и его честность не оставляли его в то время, когда эти достойные качества были преследуемы и наказуемы.

Ему исполняется семьдесят лет. Возраст, само собой, не изюм, тут не поспоришь, но вместе с тем и он имеет свои преимущества. Возраст, который приоткрывает даже человеку театра и относительность, и ограниченность такого понятия, как успех. Можно заняться главным делом — ежевечерне рассказывать залу, что же ты понял на этой земле.

И все же не утешения ради, а только для констатации факта скажу по секрету: Борис Львов-Анохин при всей своей строгой седебородости все еще молодой человек. Это отнюдь не дежурная фраза. Суть в том, что талантливые люди каким-то непостижимым образом ухитряются удерживать свою юность.

Я вглядываюсь в его черты и вижу все того же Бориса, с которым мы встретились в работе впервые лет сорок тому назад. А было подобных встреч у нас — десять. Это не просто вам эпизоды, этому название — судьба. Я уж давно привык любить его, и это одна из лучших привычек, приобретенных в течение жизни.

Леонид ЗОРИН